ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 305-ЭС20-11205 (3)

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва

24 февраля 2022 года

Резолютивная часть определения объявлена 3 февраля 2022 года.
Полный текст определения изготовлен 24 февраля 2022 года.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации в составе:

председательствующего судьи Корнелюк Е.С.,
судей Букиной И.А. и Разумова И.В.,

рассмотрела в открытом судебном заседании кассационную жалобу конкурсного управляющего публичным акционерным обществом Банк «Югра» государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов» (далее – заявитель, банк, агентство) на определение Арбитражного суда города Москвы от 07.12.2020, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2021 и постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.06.2021 по делу № А40-83941/2018 о несостоятельности (банкротстве) общества с ограниченной ответственностью «Хортица» (далее – должник).

В судебном заседании принимают участие представители:

заявителя – Громов В.Ю., Добровольский К.В., Пермякова О.Л., Шарко Э.В.;

Федеральной налоговой службы (далее – уполномоченный орган) – Степанов О.С., Санин Д.В.;

должника – Пичужкин В.Д.

и его кредиторов: акционерного общества «Русь-Ойл» – Осипов Г.С.;

общества с ограниченной ответственностью «Скважины Сургута» – Родикова Л.А.;

общества с ограниченной ответственностью «НБК-СУРГУТ» – Стекольников Д.В.

Заслушав и обсудив доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Корнелюк Е.С., вынесшей определение от 07.12.2021 о передаче кассационной жалобы вместе с делом для рассмотрения в судебном заседании, объяснения

представителей заявителя, поддержавших доводы кассационной жалобы, а также должника, уполномоченного органа и кредиторов, возражавших против удовлетворения жалобы по основаниям, изложенным в отзывах, просивших оставить обжалуемые судебные акты в части удовлетворения заявления без изменения, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

УСТАНОВИЛА:

в рамках дела о банкротстве должника его конкурсный управляющий Кузнецов Дмитрий Николаевич обратился в суд с заявлением о признании недействительными договоров об ипотеке от 14.12.2016 № 119/108/ДЗ-15, от 08.06.2017 № 126/024/023/078/ДЗ-17, от 08.06.2017 № 126/024/023/078/ДЗ-17-2, от 09.06.2017 № 126/024/023/078/110/ДЗ-17, от 22.06.2017 № 123/001/025/052/1-ГИН/ДЗ-17, от 22.06.2017 № 034/069/ДЗ-17, договоров о залоге движимого имущества от 24.02.2016 № 108/ДЗ-15-1, от 06.07.2017 № 075/ДЗИ-17-4, договоров поручительства от 17.10.2016 № 034/ДПЮ-16 и от 22.09.2016 № 033/ДПЮ-16-1 (далее – договоры залога и поручительства), заключенных между должником и банком. В части признания недействительным договора залога движимого имущества от 24.02.2016 № 108/ДЗ-15-1 конкурсным управляющим заявлен отказ от требований в порядке статьи 49 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации.

Определением Арбитражного суда города Москвы от 07.12.2020, оставленным без изменения постановлениями Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2021 и Арбитражного суда Московского округа от 30.06.2021, принят отказ от оспаривания пункта 8 договора залога движимого имущества от 24.02.2016 № 108/ДЗ-15-1, производство по заявлению в данной части прекращено; в остальной части заявление удовлетворено.

В кассационной жалобе, поданной в Верховный Суд Российской Федерации, заявитель просит отменить названные судебные акты в части удовлетворения заявления и направить обособленный спор на новое рассмотрение.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2021 № 305-ЭС20-11205 (3) судебное заседание отложено.

В судебных заседаниях представители лиц, участвующих в деле, озвучили свои правовые позиции по делу.

Изучив материалы дела, заслушав участников судебного заседания, обсудив доводы, изложенные в кассационной жалобе, отзывах и письменных пояснениях на неё, судебная коллегия приходит к следующим выводам.

Как установлено судами и следует из материалов дела, в период с сентября 2016 года по июль 2017 года банк и должник заключили семь договоров залога и два договора поручительства, направленных на обеспечение исполнения должником – залогодателем и поручителем обязательств заёмщиков банка – акционерного общества «Абигейл», закрытых акционерных обществ «Нефтегазовая компания «Прогресс» и «Газ и Нефть Транс», обществ с ограниченной ответственностью «Мултановское», «Техпрострой»,

«СТРОЙБИЗНЕСГРУПП», «Билдинг Групп», «Гиалит», «Ичерский», «Сибирь Нефтепрогресс», «НГДУ «Дулисминское» и «СК «ВекторПроджект» по выданным им в 2014 – 2017 годах банком кредитам.

24.04.2018 принято заявление уполномоченного органа о признании должника банкротом, решением от 05.08.2020 должник признан несостоятельным, введена процедура конкурсного производства, конкурсным управляющим утвержден Кузнецов Дмитрий Николаевич, который обратился в суд с заявлением о признании недействительными сделками названных договоров залога и поручительства по основанию статей 10, 168 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 61.2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Разрешая спор, суды признали оспариваемые договоры недействительными сделками. Суды сочли, что банк был осведомлён о неплатёжеспособности должника и о цели причинения вреда имущественным правам кредиторов, поскольку на момент заключения обеспечительных сделок вместе с вышеперечисленными заёмщиками и должником – залогодателем и поручителем входил в одну группу аффилированных лиц, подконтрольную бывшему бенефициару банка Хотину А. Ю. В связи с этим суды пришли к выводу о том, что оспариваемые обеспечительные сделки не несли для должника никакой экономической целесообразности, были направлены на формирование подконтрольной задолженности, уменьшение числа голосов, принадлежащих независимым кредиторам, получение преимуществ, имеющихся у залоговых кредиторов в рамках дела о банкротстве, не отвечали принципу разумности и добросовестности участников гражданского оборота, представляли собой проявление недобросовестного поведения.

Между тем судами не учтено следующее.

Содержащиеся в абзацах втором – пятом пункта 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве презумпции совершения неплатёжеспособным должником подозрительной сделки с целью причинения вреда имущественным правам кредиторов являются опровержимыми и применяются лишь в том случае, если иное не доказано другой стороной сделки (пункты 5 – 7 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»

Опровергая данные презумпции на протяжении рассмотрения настоящего обособленного спора заявитель последовательно настаивал на том, что подконтрольность банка, заёмщиков и должника одному бенефициару объясняла мотивы заключения обеспечительных сделок, а не исключала их; на момент заключения оспариваемых сделок должник был платёжеспособен, а целью заключения обеспечительных сделок являлось выполнение предписаний Банка России (далее – регулятор), а не причинение вреда кредиторам должника; банкротство должника вызвано иными причинами.

Как установили суды и не оспаривается лицами, участвующими в деле, на момент заключения оспариваемых сделок банк, заёмщики и залогодатель (поручитель) – должник входили в группу компаний, подконтрольную одному

лицу. По общему правилу, при внутригрупповом займе денежные средства остаются под контролем группы лиц, в силу чего, с точки зрения нормального гражданского оборота, отсутствует необходимость использовать механизмы, позволяющие дополнительно гарантировать возврат финансирования. Поэтому в условиях заинтересованности займодавца, заёмщика и залогодателя между собой на данных лиц в деле о банкротстве возлагается обязанность раскрыть разумные мотивы совершения обеспечительной сделки. В обратном случае следует констатировать, что выбор подобной структуры внутригрупповых юридических связей позволяет создать подконтрольную фиктивную кредиторскую задолженность для последующего уменьшения процента требований независимых кредиторов при банкротстве каждого участника группы лиц.

Как указывают в представленных пояснениях заявитель и уполномоченный орган, в рассматриваемом случае весь бизнес, подконтрольный бывшему бенефициару банка Хотину А.Ю. можно условно разделить на три группы: финансы, нефтедобыча и недвижимость. При этом контроль, кредитование экономически взаимосвязанных групп нефтедобычи и недвижимости осуществлялись бенефициаром преимущественно за счёт денежных средств банка. По оценке заявителя большая часть всех кредитов, выдаваемых банком, направлялись на финансирование собственного бизнеса в сфере недвижимости и нефтедобычи. Таким образом, успешная деятельность банка по привлечению вкладов от третьих лиц являлась главным составляющим развития бизнеса в сфере нефтедобычи и недвижимости. В таком случае, заключение обеспечительных договоров компаниями, входящими в группу нефтедобычи, в пользу своего финансового центра (ПАО Банк «Югра») по ранее предоставленным им аффилированным заёмщикам необеспеченным кредитам могло иметь разумный экономический мотив – обеспечение выполнения предписаний регулятора с целью сохранения этой кредитной организации, находящейся под угрозой отзыва лицензии на осуществление банковских операций, к услугам которой периодически обращались члены группы для пополнения оборотных активов, развития их проектов при нехватке свободных денежных средств. Восстановление финансовой устойчивости входящего в группу банка позволило бы продолжить финансирование деятельности всей группы в целом. Указанный мотив может объяснить экономическую целесообразность совершенных обеспечительных сделок для группы в целом - спасти консолидированный, имеющий свой источник финансирования бизнес.

Безусловно, наличие у контролирующего лица экономических мотивов в совершении сделки само по себе не исцеляет ее от пороков недействительности с точки зрения критерия причинения вреда кредиторам конкретного должника. Однако помимо непосредственных персональных интересов у организации, входящей в корпоративную группу, имеется, как правило, и групповой интерес, конечной целью которого является прибыльность деятельности группы в целом. Реализация группового интереса способствует не только процветанию корпоративной группы, но в то же время и каждого ее участника, в том числе того, который, формально пренебрегая своими персональными интересами,

совершил для себя (и своих кредиторов) не выгодную сделку. Определяя баланс между общим интересом корпоративной группы и личными интересами ее участника, необходимо исходить из того, что не подлежат квалификации как незаконные те действия участника группы, которые будучи направленными на реализацию группового интереса, не стали причиной объективного банкротства такого участника.

Соответственно, с учетом установленной структуры бизнеса группы выяснению при рассмотрении настоящего дела подлежал вопрос о причинах банкротства должника.

Опровергая доводы о направленности сделок на причинение вреда кредиторам должника агентство не ограничивалось утверждениями о том, что экономическая целесообразность заключения договоров была обусловлена необходимостью исполнения предписаний регулятора. Как полагало агентство, к банкротству должника привели иные, не связанные с предоставлением обеспечения обстоятельства. Являясь нефтяной компанией, находящийся в промышленной стадии эксплуатации нефтяного месторождения, должник после выдачи спорного обеспечения продолжил вести свою обычную хозяйственную деятельность и извлекать прибыль. Переломным в бизнесе всей группы компаний явился момент отзыва лицензии у банка (28.07.2017), после чего должник начал принимать активные действия по выводу активов для сохранения уже бывшим конечным бенефициаром банка фактического контроля над ними: в августе 2017 года было создано дочернее предприятие – общество с ограниченной ответственностью «Мултановский», на которое было переоформлена лицензия на эксплуатацию нефтяного месторождения, затем уставной капитал дочернего предприятия был увеличен и введен новый участник – акционерное общество «Синтэк – Ойл» с долей в 99,90 процентов.

Анализ хозяйственной деятельности должника (в том числе оценка его действий по переоформлению лицензии на нефтедобычу) после отзыва у банка лицензии на осуществление банковских операций на причинение вреда кредиторам судами не проводился и не исследовался.

Приходя к выводу о неплатёжеспособности должника на дату заключения оспариваемых сделок исходя из общей залоговой стоимости 41 млрд. рублей, суды указали на диспропорцию между обязательствами и активами должника. Балансовая стоимость активов должника в 2016 году составляла 23 млрд. рублей, в 2017 году – 33 млрд. рублей. При этом суды не устанавливали наличие и размер задолженности должника перед кредиторами в период заключения оспариваемых обеспечительных сделок. На дату прекращения производства по делу о банкротстве должника совокупный размер требований кредиторов, которым, по мнению судов, банк и должник имели цель причинить вред при заключении оспариваемых сделок, составил около 957 млн. рублей, основным кредитором должника являлся уполномоченный орган (долг 882 633 639,87 рублей). Агентство последовательно ссылалось в своих пояснениях о том, что должник владел высокорентабельным бизнесом и погасить данные долговые обязательства для него не составляло труда, если бы впоследствии не произошел перевод бизнеса на дочернюю компанию. То есть

данная задолженность несопоставима с масштабом бизнеса должника. Косвенно это утверждение подтверждает и общество с ограниченной ответственностью «Скважины Сургута», которое 26.03.2021 произвело полное погашение требований всех реестровых кредиторов должника, рассматривая компанию должника как выгодный инвестиционный проект даже несмотря на наличие у него кредиторов на столь значительную сумму (около 957 млн. рублей) и заключения конкурсного управляющего должником о ненадлежащем финансовом состоянии компании.

В соответствии со ст. 2 Закона о банкротстве неплатежеспособность – это прекращение исполнения должником части денежных обязательств или обязанностей по уплате обязательных платежей, вызванное недостаточностью денежных средств. В свою очередь, под недостаточностью имущества понимается превышение размера денежных обязательств и обязанностей по уплате обязательных платежей должника над стоимостью его имущества (активов).

В рассматриваемом случае ни размер требований по обеспечительным сделкам (41 млрд. рублей), ни стоимость активов должника (33 млрд. рублей) не противопоставимы размеру требований кредиторов на момент совершения обеспечительных сделок (957 млн. рублей) ввиду их несоизмеримости.

Следовательно, вывод судов о неплатежеспособности должника на дату совершения обеспечительных сделок, а также о наступлении такой неплатежеспособности в результате их совершения является преждевременным.

Преждевременным следует признать и вывод судов том, что обеспечительные сделки были направлены на формирование подконтрольной задолженности, уменьшения числа голосов, принадлежащих независимым кредиторам. Как правило, для создания фиктивной задолженности используется формальный денежный оборот, с помощью которого осуществляется вывод денежных средств из имущественной сферы должника-банкрота для сохранения его за конечными бенефициарами. В рассматриваемом случае обеспечительные сделки заключались во исполнение реальных кредитных договоров, по которым банк ранее предоставил денежные средства заёмщикам.

Доводы заявителя о наличии экономической целесообразности заключения сделок, обусловленной исполнением предписаний регулятора, об истинных причинах банкротства должника не получили должной оценки в обжалуемых судебных актах.

Помимо вышеизложенного, судам необходимо было обратить внимание на следующие обстоятельства.

В связи с наступлением страхового случая – отзывом (аннулированием) у банка лицензии Банка России на осуществление банковских операций – государственной корпорацией «Агентство по страхованию вкладов» произведены выплаты на общую сумму 172,9 млрд. рублей; требования агентства включены в первую очередь реестра требований кредиторов банка на сумму 165,3 млрд. рублей в рамках дела № А40-145500/2017 о банкротстве ПАО Банк «Югра» как и требования 29 тысяч вкладчиков на сумму 9 млрд.

рублей (по состоянию на 01.01.2022). Вследствие признания оспариваемых сделок недействительными банку будет отказано во включении в реестр требований кредиторов должника, следовательно, банк (при недоказанности преследования им цели причинения вреда кредиторам должника) не получит в конкурсную массу денежные средства от реализации залогов и поручительства, в то же время бывший бенефициар банка возвратит контроль над предприятиями, которые ранее были приобретены на средства вкладчиков банка, что подтверждается, в частности, настоящим делом о банкротстве должника и иных компаний из группы нефтедобычи.

Таким образом, обстоятельства, на которые последовательно ссылался заявитель в подтверждение своих доводов, имели существенное значение для разрешения обособленного спора, однако оставлены без судебной оценки. В связи с этим, выводы судов о наличии оснований для признания недействительными оспариваемых сделок и отказе во включении залогового требования банка в реестр без проверки доводов заявителя являлись преждевременными.

Кроме того, признавая за банком недобросовестность при заключении и исполнении оспариваемых договоров со ссылкой на результаты рассмотрения дела № А75-6869/2018 Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, суды констатировали факт отсутствия государственной регистрации двух оспариваемых договоров об ипотеке от 22.06.2017 № 123/001/025/052/1-ГИН/ДЗ-17 и от 22.06.2017 № 034/069/ДЗ-17, а также установили, что договорами об ипотеке от 08.06.2017 № 126/024/023/078/ДЗ-17 и от 08.06.2017 № 126/024/023/078/ДЗ-17-2 обеспечены одни и те же обязательства заемщиков, в обеспечение передано одно и то же имущество. Вопреки ошибочным выводам судов, оформленный оспариваемыми обеспечительными сделками последующий залог должником того же имущества банку, а также не прошедший государственную регистрацию договор ипотеки в принципе не мог причинить вред имущественным правам его кредиторов.

При таких условиях принятые по настоящему спору судебные акты нельзя признать законными и обоснованными. Допущенные судами нарушения норм права являются существенными, без их устранения невозможны восстановление и защита прав и законных интересов заявителя, в связи с чем обжалуемые судебные акты следует отменить на основании части 1 статьи 291.11 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в части признания сделок недействительными.

Поскольку на момент принятия судом округа оспариваемого заявителем постановления производство по делу о банкротстве должника прекращено определением Арбитражного суда города Москвы от 06.04.2021 в результате погашения третьим лицом – обществом с ограниченной ответственностью «Скважины Сургута» всех требований реестровых кредиторов на общую сумму 956 833 177 рублей 87 копеек, то заявление конкурсного управляющего в части оспаривания им сделок должника применительно к положениям пункта 19 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» подлежит оставлению без рассмотрения.

Руководствуясь статьями 291.11, 291.13 - 291.15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации

ОПРЕДЕЛИЛА:

определение Арбитражного суда города Москвы от 07.12.2020, постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.03.2021 и постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.06.2021 отменить в части признания сделок недействительными.

В этой части заявление конкурсного управляющего должником Кузнецова Дмитрия Николаевича оставить без рассмотрения.

Определение вступает в законную силу с момента вынесения и может быть обжаловано в Верховный Суд Российской Федерации в порядке надзора в трехмесячный срок.

Председательствующий судья

Е.С. Корнелюк

Судья

И.А. Букина

Судья

И.В. Разумов